

28-Апр 39 К

К ЮБИЛЕЮ ТЕАТРА имени СТАЛИНА

# ДЕТИЩЕ ЛЕНИНСКО - СТАЛИНСКОЙ 346 НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Наш театр полнок и полностью создан в советской Туркмении, он — детище ленинско-сталинской национальной политики.

Старая Туркмения, стоявшая под двойным гнетом — байско-феодалского строя и колониаторской политики паразитов, раздиравшая кровавой междоусобицей враждой, не знала ничего, что хотя бы напоминало театр. Она не знала даже пляски. До сих пор еще нет у нас народного талца. Ее песни, ее музыка в прошлом — это робкая жалоба и слезы, безысходная тоска, жутко гармонизированная с суровостью и безрадостностью природных условий — песни, голые горы, безводье, в которых платало свои жалбы огромное большинство туркменского народа.

Незала сказать, чтобы туркменский народ в прошлом совсем не знал массовых игр и праздников, из которых у других народов развилось в течение времени театральное искусство. Но что это были за «игры» и «праздники»? Обычно они происходили на больших тоях — торжествах, проводимых баями и феодалами — залпами по поводу каких-либо семейных праздников или военных удач. Свадьба, рождение сына, возвращение из кровавого лабета отмечались ковылками, скачками, бегом верблюдов, дракой собак, борьбой. Эти игры соображали народ. Обычно они разрывались представлениями разных племен или родов и заканчивались кровавыми побоищем. Не веселье и радость, а увеселение и смерть приносили они с собой.

Верные слуги феодалов и беев — муз-

АМАН КУЛЬМАМЕДОВ,  
заслуженный артист республики.

лы и ишаны, указывали только один «путь» к радостной жизни — «на том свете». «Чем мрачнее и тяжелее здесь — тем светлее и счастливей там...» Так долаждалась всякая попытка проявить радости и веселья. Поэтому, тоскливые даже зловонные песни старых народных певцов, поэтому такое широкое распространение в народе получали грустные стихи и песни олов прошлого — Махтум-Кули, Зекили, Сейди и т. д. Если сквозь этот железный твет пробивался протест, раздалась грозная речь, веселое слово, зловый смех — они в течение столетий не падали отныне, проявлялись в особых формах. Таковы были и рассказы Кемале, острой насмешкой поражающего ишанов, баян и муху. Таковы легендарные Кель и Касе, пуща и скалки которых нядут с рассказами о них самих живут в народе до сих пор.

Едва ли можно назвать предместничества нашего театра и своеобразных туркменских народных шутко-скоморохов — маскарбабасов. Это обычно пришемы, бродачие актеры, ходившие иногда с собакой (или с обаянкой). Маскарбабасы называли смех и презрение. Они были последними среди выживших на жизни.

Нет, не отсюда родился туркменский театр, не этими силами пытался он в

малочислене, но здесь он живет и отстаивает свое зрелище искусство.

Нечего и говорить о том, что в период колониального захвата туркменского народа паразитов, пылающих културных сдвигов в жизни туркменского народа не было и не могло быть. Привозенный колониаторами русский театр этой роли, почитно, не играл. О знакомстве с ним туркменского народа не могло быть и мысли.

Первая туркменская пьеса, написанная туркменом, была разыграна туркменами-рабочими на сцене рабочего клуба в Кызыл-Арте в 1924 году в плохих условиях Кызыл-Артеа частями Кравцов Армии, особовитными Туркменами от последней колониаторской буржуазии — меньшевиков и их шкорветельных, интервентов. Этот момент и можно считать зародившим туркменского национального театра и драматургии.

Но непосредственным предместничества театра же же являлся самостоятельный коллектив, созданный в мае 1925 года в Ашхабадской партийной школе. В него входило 14—15 комсомольцев-туркмен. Доушемо не было, женские роли исполняла Мурад Казызов (известный актер нашего театра, умерший в 1930 году). В 1926 году Нарккомпро на селения этого кружка организован театрально-драматическую студию, в которую вошло еще пять ребят из механического техникума. Женщины в студии сыграть также не было. Самообязательный зародившийся и роста туркменского театра стал понятным, если учесть, что в дальнейшем пополнение женского состава студии долгое время шло

исключительно за счет тех студийцев, которые приносили их из аулов. Это были первоначально кзыры жемчжи в нашем театре. Свои первые репетиции они проводили в национальных женских уборках — борбах и под шпашком. \*) Нато сказать, что сцена обошлась им не дешево, так как в аулах, да и в городах того времени, твердо держалась взгляда на женщину, играющую на сцене, как на нарушительницу обычая. От нее нередко отказывались родные и братья, отец готов был убить ее.

Поэтому преодоление старых предрассудков, усиление разрывов между национальными, студию пришлось выдержать борьбу и с великодержавными шовинистами. Долгое время они упорно распространяли взгляд, что туркмены по своему складу к театру «не приспособлены», что «нашего не выйдет» и надо, мол, студию распустили.

Эти враждебные попытки с помощью партии были успешно преодолены. 13 мая 1929 года студию успешно окончил 24 человека. Это и были основные кадры нашего театра, организованного в том же году.

Не мешали трудности припасе преодолеть театру в борьбе за своего зрителя. Эту борьбу характеризуют интересные факты. Впервые для привлечение зрителей мы давали задания каждому актеру привести на спектакль 5—10 человек своих знакомых и товарищей в город или на окрестных аулах. Это приводило иногда к трагическим последствиям. На один из вечеров спектакля, таким образом, была привлечена группа скотоводов, впервые приехавших в город из пещек. Когда по ходу пьесы на сцене началась стрельба, наши гости с криком ринулись из зала.

Прозвучавшая при привлечении актеры

\*) Борх — высокий талый головной убор, ишмак — платок, закрывавший нижнюю часть лица. Эти уборы требовали шитья.

да сырал созданный нами кукольный театр, который мы посылали по аулам с агитационными пьесками. Сейчас кукольный театр существует самостоятельно и пользуется огромной популярностью как среди детей, так и среди взрослых в колхозах.

Окончательную сылку со зрителем мы установили в период организации колхозов, когда в течение 5 месяцев были в агитационной поездке. С семи часов утра мы гримировались и разбивались по бригадам, в шеренгах в работе выступали до самого вечера, так и не ставшая грима. Мы бывали и на больших агитационных стройках (Карабасавульский канал). Давало располагались на отдых, пили чай, а мы занимали какое-нибудь возвышение (бутор или драбу) и начинали «играть». Немало возвышений впечатлений оставили эти поездки и у нас и у наших зрителей. Были случаи и байской контрреволюции, которые, особенно в тот период, не сулили нам ничего хорошего.

Затем наступило время более углубленной и творческой работы. После 1930 года наш театр в Туркмении уже не был единственным в своем роде. Появился кукольный театр на базе нашего театра был создан филармония, а затем и самостоятельный фольклорный театр. С нашей помощью организовались театры в самых отдаленных округах Туркмении — Ташауза, Берчи, Чарджан, Мары, Кара-Богат-Голе, были созданы музыкальные техникумы.

В настоящее время идет своя работа уже 4-я драматическая студия. Все шире разрабатывается и в колхозах работа на предприниматель и в колхозах. Выходящие из нее вышесказанной студии.

На этой базе началась быстрая качественная рист туркменского актера и театра в целом. В числе наших ведущих актеров в первую очередь надо отметить товарищей, прошедших весь описанный

путь — от кружка при парторганизации настоящего дня. Это т. т. Сурай Муратова, Кыч Бердыев, Базар Аманов, Хереев, Ата Дурдыев, Курбанов, Бердыев Б., Дурдыев, Союпова, Киянов, Черкенов М., Атна Дурдыев, Курбангалдыев, Долгостов Ата, Шихиев, Сары Карыев, Шахмуратова, Казызов Б., Сеитиязов, Сова Муратова и Талапа.

Понятно, что если театр родился всего 10 лет назад, то о туркменской драматургии можно сказать, что она еще малое театра. Именно театр и пришла ее к жизни. В настоящее время мы имеем три туркменских пьесы: «Джуз» (Ата Бауштуров), «1916 год» (Атлы Кариев), «Дехе и Тахир» (Базар Аманов). Но основными в репертуаре являются переводные пьесы — советские и классические — всего 60 пьес. В том числе — «Мятже», «Ремзор», «Саула двух господ», «Разбойники», «1905 год» и «Венета огня» (Джаббаров), «Бахчисарайский фонтан», «Ибзель вскадры», «Патон Кречет», «Любови Иролла», «Дарушения» и др. Надо сказать, что с переводами мы переживали допущенные затруднения из-за неала лицензированных переводчиков, пока не приехали к этому делу писателей (Б. Бурунов).

В числе наших трудностей была заплата смена режиссеров. В последние годы поставлена работа по подготовке режиссеров на туркменских актеров. Режиссеры т. т. Кыч Бердыев, Базар Аманов, Курбанов уже ставили пьесы, пробуя свои силы молодой режиссерской творчестве.

Теперь наш театр — уже далеко не дислоцирован в Туркмении. Он занял творческое место в системе воспитания нового человека и крепко связал себя с туркменским народом. Своим дальнейшей работой мы оправдаем великое имя вождя народов товарища Сталина, которое бесконечной любовью носит наш театр.